



А. С. Крюков

## ЗАТЕРЯВШЕЕСЯ ПИСЬМО

**В**оспоминания Наталии Евгеньевны Штемпель «Мандельштам в Воронеже» впервые появились в печати в 1987 году (См.: Новый мир. 1987. № 10. С. 207—234), хотя до этого времени уже распространялись в машинописных копиях.

В 2008 году к столетию со дня рождения Н. Е. Штемпель мандельштамовское общество выпустило сборник «Ясная Наташа», где среди других материалов помещено письмо Н. Е. Штемпель к Э. Г. Герштейн, которое является ответом на письмо Э. Г. Герштейн. Знакомясь с письмом Наталии Евгеньевны, читатель как бы оказывается в театре абсурда: вместо диалога двух актеров он слышит лишь реплики одного, не понимая порой, о чем идет речь. Поэтому представляется целе-

сообразным объединить голоса «двух актеров», авторов обоих писем.

Во вступительной статье Павла Нерлера, претенциозно названной «Воронежская Бетриче», утверждается, что Эмма Григорьевна Герштейн за глаза называла Наталию Евгеньевну «наивной дурочкой и, прочитав воспоминания, даже отчитала за какие-то ошибки и неточности». Оставляю эти утверждения на совести П. Нерлера. Встречаясь с Э. Г. Герштейн на протяжении тридцати лет и не раз обсуждая различные мемуары об О. Э. Мандельштаме, в том числе воспоминания Наталии Евгеньевны, я никогда не слышал уничижительных слов в адрес самой Наталии Евгеньевны или ее воспоминаний. Эмма Григорьевна называла Наталию Евге-



Н. Е. Штемпель



Э. Г. Герштейн

ньевну «сельской учительницей, простой, доброй, доверчивой и искренней». Вряд ли это равнозначно «наивной дурочке». Учительскую суть Наталии Евгеньевны отметила А. Б. Ботникова: «Читала сама (т. е. Наталия Евгеньевна. — А. К.), вслух, с интонацией школьной учительницы, желающей, чтобы слушатели хорошо и правильно усвоили прочитанное»

(А. Ботникова. Единственный в Воронеже дом // Ясная Наташа. Воронеж, 2008. С. 254).

Оба письма (Э. Г. Г. и Н. Е. Ш.) датированы и печатаются в хронологическом порядке. Письмо Э. Г. Герштейн публикуется впервые.

Сердечно благодарю Нелли Викторовну Гордину, передавшую мне ксерокопии писем.

*Милая Наталия Евгеньевна,*

*Внимательно прочла два раза ваши воспоминания.*

*Совершенно не согласна с вашим критиком, объявившим, что вам еще много нужно работать над стилем. Ничуть. Все впечатления переданы ярко, свежо и непосредственно. Они очень интересны и неповторимы в тех местах, где основаны на памяти о личных встречах, разговорах, обо всей атмосфере вечера или дня, которые описываются. А вот, когда вы пишете о том, чего вы не видели, сразу все теряется. Чтобы не забыть о «хорошей» части, т. е. о воронежских встречах, вернусь туда. Все, что вы пишете о «реалиях» воронежских стихотворений, очень ценно и войдет в любой комментарий, когда ваши воспоминания будут напечатаны.*

*А теперь о моих претензиях. Буду просто писать по пунктам.*

*1. Вы пишете, что Шкловские<sup>1</sup> были почти единственной семьей, где принимали Надежду Яковлевну<sup>2</sup> во время воронежской ссылки О<сипа> Э<мильевича>. Откуда вы знаете? Это Надежда Яковлевна так написала в 60—70-х гг., когда ей очень близки были Шкловские (женская часть семьи), а в тридцатых годах она бывала у меня, у Харджиева<sup>3</sup>, у Осмеркиных<sup>4</sup> и многих других, которых я знала меньше, поэтому не помню. Там же вы пишете про сияющую Варю с необыкновенной улыбкой, хотя она не была красавицей, о ее взгляде, который нельзя было забыть. Ну кто же так относится к восьми- — десятилетнему ребенку? Тут у вас позднейшие, послевоенные воспоминания наслоились на первоначальные.*

*На следующих страницах, да и тут, вы пишете, что Мандельштамы остановились у Наппельбаума<sup>5</sup>, привели вас ко мне, к Харджиеву, Яхонтову<sup>6</sup>, стремились к Пасернаку... А ведь самого Мандельштама, не получившего права жительства в Москве, было рискованнее принимать, чем его жену, никогда не бывшую репрессированной.*

*Таким образом, в этой части ваши воспоминания теряют главную ценность всяких мемуаров: достоинство беспристрастного свидетельского показания. Вы только поддакиваете Н. Я., а она написала неправду.*

*2. Еще менее авторитетно ваше изложение «дела» Мандельштама, т. е. обстоятельств его второго ареста.*

*Откуда вы знаете, что Осипу Эмильевичу не предъявили никакого обвинения? Предъявили, насколько мне известно. В лагерь он был отправлен не так уж скоро, как вы пишете: с 1 мая по 9 октября он находился в Бутырках. Ни одного свидетеля оттуда разыскать не удалось, опять-таки, насколько мне известно. И как его допрашивали в течение этого четырехмесячного срока, никто не знает.*

*Единственное его письмо уже из пересыльного лагеря было адресовано не Надежде Яковлевне, а Шурочке, т. е. брату поэта Александру Эмильевичу. Там-то он и пишет, что отправлен был из Москвы 9 октября. Письмо напечатано в III томе американского издания, да оно, по-видимому, и хранилось у вас? Кстати, не сохранили ли вы телеграммы с подписью Ахматовой, Мандельштама и Рудакова<sup>7</sup>, адресованные вам лично? Это был важный документ. И еще кстати: не знаете ли вы судьбу писем Ахматовой к Мандельштамам? Видели ли вы их когда-нибудь? Я видела и некоторые читала, мне давала Надя. А письма Н. Я. к вам с подчеркнутыми цензурой словами?*

<sup>1</sup> Шкловские: Виктор Борисович Шкловский — писатель, литературовед; его жена — Василиса Георгиевна, дочь — Варвара Викторовна.

<sup>2</sup> Надежда Яковлевна — жена поэта Осипа Мандельштама.

<sup>3</sup> Харджиев — Николай Иванович Харджиев — литературовед.

<sup>4</sup> Осмеркины: художник Александр Александрович Осмеркин и его жена Осмеркина Елена Константиновна.

<sup>5</sup> Наппельбаумы — Лев Моисеевич Наппельбаум — архитектор и его жена Людмила Константиновна, художница — знакомые Мандельштамов.

<sup>6</sup> Яхонтов — Владимир Николаевич Яхонтов — актер.

<sup>7</sup> Рудаков — Сергей Борисович — литературовед.

3. Вы толкуете стихотворение «Твоим узким плечам...», утверждая, что оно обращено к Надежде Яковлевне. Но говорите об этом очень глухо. Разве вы знали это стихотворение в Воронеже? И Надежда Як<овлевна> вам говорила, что оно посвящено ей? Когда же оно было написано? В московских, до-воронежских списках оно никогда не фигурировало. В воронежских, хорошо вам известных списках его тоже не было. Откуда вы его знаете? Из печати только? Своего личного конкретного впечатления вы не прибавили. А следовательно, упоминание о нем в ваших воспоминаниях — лишнее.

Заметила несколько фактических ошибок, из них одна — серьезная, проистекающая из того же, т. е. от повествования с чужих слов. Анна Андреевна была в Воронеже не в 1935, а в 1936 г. Кстати говоря, стихотворение ее «Воронеж» ведь напечатано. Зачем вам его цитировать? Ведь вы не статью пишете.

Халат у нее был не бархатный, а подлинный восточный не то китайский, не то корейский и, следовательно, шелковый?

Н. И. Харджиев никогда не носил длинных волос. Никогда! Замечание же ваше относительно «неопрятности» его комнаты просто неприлично. Ведь вы не санитарная комиссия от домкома! К тому же наблюдение ваше странно: он был страшным чистюлей. А обстановка его комнаты действительно была чудна'я. Деревянные табуретки вместо стульев, канцелярский стол...

Вот противоречие с воспоминаниями Надежды Яковлевны: она пишет, что О. Э. вам сказал, что «Неизвестный солдат» имеет преемственную связь с более ранним «Не мучнистой бабочкой белой», а вы пишете гораздо менее уверенно, что это вам «кажется», что в какой-то степени «Неизвестный солдат» является итогом целого воронежского цикла. Как это понимать? Хотелось бы разъяснения.

Вот, дорогая Наталья Евгеньевна, мои придирки. Но ведь ваши воспоминания уже лежат в Публичке. Как же поступить?

Обнимаю вас  
5/II 1983

Э. Герштейн

Дорогая Эмма Григорьевна!

Благодарю Вас за труд, который Вы на себя взяли: прочитать мою работу и высказать свои соображения.

Ваши замечания для меня очень ценны, тем более никто этого не сделал, несмотря на мою просьбу.

Н. Я. внесла только две поправки: Саматиха не санаторий, а дом отдыха, арестован О. М. не 30 апреля, а 1 мая. Извинились, что не успели до праздника: много было работы.

Хочу Вам сказать, когда я писала воспоминания, у меня ничего не было — ни американских томов, ни книг Н. Я.

Были перепечатки стихов взамен блокнотов и отдельных листков с автографами и переписанных Н. Я., а также писем, которые Н. Я. дала мне после смерти О. Э. Какие были письма — не знаю. Я никогда их не смотрела.

Теперь разрешите мне попытаться ответить Вам по пунктам Вашего письма.

1. Конечно, о том, что Шкловские были почти единственной семьей, которая принимала Н. Я., я пишу с ее слов.

Когда я сама побывала с О. у его друзей, я всех назвала. Думаю, тут нет противоречия и Вы меня за это не упрекаете.

С Варей, безусловно, Вы правы. И ведь не пришло никому в голову, а главное, мне! Спасибо. Замечание вскользь: бывают ли мемуары беспристрастными?! Я стремилась к этому всеми силами, стремилась и себя «убрать».

2. Писала, как знала, была уверена, что по старому «делу» (так было тогда со многими, среди которых оказались и мои хорошие знакомые).

Что письмо или записка адресованы Шуре, мне сказали потом, но я не поправила. Отправляла деньги и посылку Н. Я., извещение о смерти получила она. Подумала — неважно.

Дорогая Эмма Григорьевна, все погибло, я не знаю, какой бог осенил меня и помог мне взять все рукописи стихов, блокноты. И письма, не принадлежавшие мне.

Мы уходили за несколько часов до вступления немцев в город, абсолютно налегке, была паника.

А потом какие мытарства: крестьянские избы, случайные грузовые машины, товарные поезда... бесконечная дорога в неизвестность.

Письма О. Э. ко мне, интересные, длинные, Н. Я. и С. Б., телеграммы – все погибло. Больно об этом вспоминать.

Мама утешала меня: «Что делать, девочка, люди гибли, все гибло. Не надо грустить. Могла и это не спасти».

В своих воспоминаниях я не решилась заниматься пересказом пропавших писем из боязни исказить, быть неточной.

3. Стихотворение «Твоим узким плечам...» знаю не из печати (как я и писала, у меня ничего не было).

Помню, как однажды Н. Я. вынула из сумочки клочок бумаги, на котором от руки было написано, внизу стояла дата — 1934 г.

Мне оно очень понравилось, с разрешения я его переписала.

В первоначальных машинописках, которые дала мне Н. Я. взамен блокнотов, его нет.

Если сочтете возможным, напишите, что Вы знаете по этому поводу.

Свидетельствую, что Н. Я. не говорила мне, что оно обращено к ней. Так решила я; к кому же, мне казалось, такое стихотворение могло быть обращено!

Фактические ошибки возникли при перепечатке, сделанной не по моей воле. Я не проверила. В моем тексте халат атласный, год — 1936, это общеизвестно.

Вы упрекаете меня за цитирование четырех строчек из стихотворения «Воронеж». Да, оно в маленькой серии без последней строфы и посвящения и полностью в «Беге времени» и Ленинградском изд. 77 г. Но как у многих нет этих книг!

Та же Крымова<sup>8</sup> в книге о Яхонтове пишет «в квартире М...». А он жил в лачуге, в яме (2-я Линейная, 4). А. А. точна.

Многие стихи, приведенные мной, уже были напечатаны.

О Николае Ивановиче. Я не хотела его обидеть. Он вызвал у меня симпатию. С волосами странно, как будто не могла ошибиться.

Насколько помню, пол был некрашенный или стертый, моды снимать обувь не было. Что такое некрашенный пол, я знаю, его не намоешь. Я написала: «Комната не производила впечатления опрятной», вы пишете «странной». Все это не мешает ему быть чистойлей. В общем, это не главное, и можно вычеркнуть.

«Указаний поэта» я не помню (помню только одно указание о поэме о Сталине). Писать воспоминания не собиралась, никаких записей не вела, как многие (Лидия Корнеевна<sup>9</sup>, Маковицкий<sup>10</sup> и др.), теперь жалею.

Просто было безумно жалко человека, стремилась помочь ему, облегчить это изгнание, скрасить хоть чем-нибудь.

Безусловно, связь с «немучнистой бабочкой белой...» явная, но я думаю, это не противоречит тому, что я написала — «мне так кажется», но я не литературовед и анализом не занимаюсь.

Наконец, последнее.

Отдать воспоминания в Публичку не являлось моей инициативой. Сотрудники отдела редких книг и рукописей допекали меня в течение двух лет. Я отказывалась их отдать. И вот однажды без предупреждения приехал сотрудник, некий Сажин, специально за работой. Я растерялась, мне как-то неудобно было ему отказать, отдала без подписи, без заглавия, не успела даже перечитать. Он приезжал на один день.

Вы кончаете вопросом: «Как же поступить?».

Не знаю, думаю, есть две возможности: затребовать работу обратно, тем более они не выполнили условия (десятилетний запрет), от денег я отказалась. 2. Написать исправления с обоснованием и попросить приложить к работе или исправить.

Пока не знаю, как быть.

Еще раз благодарю Вас.

20/II-83 г.

Н. Штемпель

P.S. О письмах А. А. ничего не знаю, к сожалению, и не читала их. Могу спросить у Юры Фрейдина, может быть, они в архиве Н. Я., который у него.

Простите за такое длинное письмо, обычно пишу очень короткие письма.

<sup>8</sup> Крымова в книге о Яхонтове — Крымова Н. Владимир Яхонтов. М., 1978.

<sup>9</sup> Лидия Корнеевна — Лидия Корнеевна Чуковская — писатель, литературовед. Автор «Записок об Анне Ахматовой».

<sup>10</sup> Маковицкий — Душан Петрович Маковицкий — с 1904 г. врач и секретарь Льва Толстого, автор «Яснополянских записок».